

О.Г. ХАРИТОНОВА *

ЭФФЕКТЫ ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТСТВА В ЭТНОКУЛЬТУРНО-РАЗНОРОДНЫХ ОБЩЕСТВАХ: СЛУЧАЙ ТУРЦИИ¹

Аннотация. В статье рассмотрены основные теоретические подходы в области управления этнокультурной разнородностью в разделенных обществах – консоционализм и центрипетализм. Через призму этих подходов анализируются системы распределения власти в обществе – президентские, парламентские и полупрезидентские. На примере Турции автор показывает, что для управления этнокультурной разнородностью новые государства могут выбирать национализаторскую политику, предполагающую ассимиляцию меньшинства. Данная политика привела к политизации этничности, межэтническим конфликтам и этническому терроризму. Ни одна турецкая элита не поднимала вопрос об институциональных механизмах урегулирования курдского вопроса и обеспечении доступа курдов как единого сегмента к процессу принятия решения. Институциональные трансформации в Турции – переход от парламентской системы к премьер-президентской и далее к президентской – были направлены на поддержание национализаторской стратегии управления разнородностью. Автор изучает возможности применимости общественных и центростремительных институциональных установок для турецкого случая. По мнению автора, использованию общественных механизмов препятствуют доминирование турецкого сегмента, непризнание курдского и отсутствие единства среди курдов. Автор приходит к

* **Харитоновна Оксана Геннадьевна**, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии ФУП МГИМО (университет) МИД РФ, e-mail: o.haritonova@inno.mgimo.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19–011–31475 «Политическое управление этнокультурной разнородностью на постимперском пространстве: институциональный и идентичностный аспекты».

выводу, что президентская система представляет институциональные условия для воплощения центристской модели. В настоящее время Партия справедливости и развития является единственной партией, которая может претендовать на роль умеренного центра. Автор предполагает, что решение по курдскому вопросу может быть принято в преддверии парламентских выборов 2023 г. Для победы на выборах ПСР и лично президенту Р. Эрдогану придется более четко обозначить курс на интеграцию турецких курдов одновременно с усилением безопасности границ.

Ключевые слова: президентская система; консоциализм; центрипетализм; Турция; курдский сегмент; национализаторская политика.

Для цитирования: Харитонов О.Г. Эффекты института президентства в этнокультурно-разнородных обществах: случай Турции // Политическая наука. – 2019. – № 4. – С. 38–67. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.04.08>

Введение

Распад сложносоставных империй ведет к появлению этнокультурной разнородности в возникающих суверенных государствах, многие из которых стремятся использовать этничность доминирующей группы в качестве основы для национального единства. Стратегией консолидации многих новых государств стала гомогенизация мультикультурного сообщества, основанная на исключении этнических меньшинств из политической жизни. Р. Брубейкер назвал такую политику «национализаторской»¹ [Brubaker, 2011].

Турция как государство – преемник Османской империи получила этническое разнообразие, в котором курды составляли вторую по величине группу. Курдское меньшинство насчитывало в ранний республиканский период 9,1% населения и достигло 20% к 1990 г. [Sirkesi, 2000, p. 155]. А. Лейпхарт определил разделенное общество как «общество, имеющее острые расколы по религиозным, идеологическим, лингвистическим, культурным, этническим и расовым осям и разделенное на отдельные субобщества со своими партиями, группами интересов и средствами коммуникации» [Lijphart, 1999, p. 32]. В этнически разделенных обществах всегда присутствует угроза политизации и мобилизации этничности, про-

¹ Термин «национализаторское государство» (nationalizing state) был предложен Р. Брубейкером в 1990-е годы для описания политики этнически гетерогенных постимперских государств, направленной на «национализацию» гетерогенного населения и территории [подробнее см.: Brubaker, 2011].

явления радикализма, сепаратизма, начала этнического конфликта и этнического терроризма как крайней формы конфликтности.

Турция представляет собой разделенное общество, и хотя курдский сегмент официально никогда не был признан, наличие этнических восстаний, этнического терроризма, этнической войны (1992–2002) и прокурдских партий, выступающих за смягчение политики государства в отношении курдов, свидетельствуют о политизации турко-курдского раскола. Опросы общественного мнения среди курдов демонстрируют, что этничность продолжает иметь для них значение в политической жизни, и даже возрождение ислама имеет ограниченное влияние на курдский национализм: для 41% курдов этническая идентичность стоит выше религиозной или национальной – турецкой (см.: Приложение, рис. 1).

В данной статье будут рассмотрены основные теоретические положения в области управления этнокультурной разнородностью в разделенных обществах и проанализированы возможности применимости этих институциональных установок для турецкого случая.

Институциональный дизайн для этнокультурно-разнородных обществ

Институциональный дизайн имеет большое значение для предотвращения конфликтов в разделенных обществах и их урегулирования в институциональных рамках. Как считал А. Пшеворский, «политические институты регулируют конфликты мирным способом при условии, что организованные политические силы продвигают свои интересы в институциональных рамках и признают любые результаты институционального взаимодействия» [Пшеворский, 2013, р. 400].

Первым, классическим подходом к управлению разнородностью является консенсусализм, или сообщественная демократия (по А. Лейпхарту, подтип консенсусной модели демократии), в которой выборы проходят по системе пропорционального представительства, все основные сегменты участвуют в большой правящей коалиции, основные решения принимаются на основе консенсуса, все сегменты обладают правом вето, и власть распределена по вертикали, например широкая автономия [подробнее см.: Лейпхарт, 1997].

Критики данного подхода в качестве недостатков называют его антидемократичность, так как гарантированное представи-

тельство партий не соответствует демократическим нормам и процедурам. Главным недостатком консоциации, по мнению Д. Горовица, являются «слишком теплые отношения между включенными партиями, которые не оставляют места для важнейшего элемента демократии – оппозиции» [Horowitz, 2000, p. 256]. Глубоко разделенным обществам, с точки зрения А. Лейпхарта, нужен демократический режим, который строится на консенсусе, а не оппозиции, является включающим, а не исключаящим, и имеет максимально возможное правящее большинство [Lijphart, 1999, p. 33]. Оппозиция в данном случае будет находиться внутри большой правящей коалиции, но вето меньшинства может блокировать процесс принятия решений, делая его длительным и неэффективным.

Применение консоциативных механизмов стимулирует появление этнических политических партий, продвигающих этническую повестку, поэтому большая коалиция может стать не коалицией сегментов, а коалицией этнических партий. Этнический конфликт переносится в институциональные рамки, но не предотвращается, так как любая из этнических партий может радикализироваться и выйти из коалиции, нарушив тем самым принцип консоциации.

Списочная пропорциональная система, рекомендуемая сторонниками консоциативного подхода, на деле обеспечивает представительство этнических партий пропорционально полученным голосам, но не гарантирует примирения и, приводя к коалициям, не дает стимулов для создания большой коалиции [Horowitz, 2000, p. 258]. Стремление умеренных лидеров этнических партий сформировать межэтническую коалицию может вызвать отрицательную реакцию со стороны членов их группы, может привести к появлению новых, более радикальных этнических партий, поэтому большая коалиция останется коалицией умеренного центра, что противоречит принципам консоциализма [Horowitz, 2000]. Для успешного функционирования общественных механизмов необходимо наличие большого ядра умеренных сил во всех сегментах, способного нейтрализовать радикальные этнические элементы, которые также претендуют на выражение интересов того же сегмента и ведут непримиримую борьбу, используя этническую риторику.

Вторым подходом к управлению разнородностью является центростремительный подход (или центрипетализм)¹, предлагающий введение определенных электоральных правил (преференциальное / альтернативное голосование, система единого переходящего голоса) с целью получения партиями широкой кросс-секторальной поддержки и формирования центристских мультиэтнических партий и коалиций. Главной стратегией подхода является формирование умеренного кросс-секторального ядра через дизайн мажоритарных институтов, уменьшающих роль этничности в политическом процессе и «подрывающих потенциал моноэтнических требований» [подробнее см.: Reilly, 2006, p. 815].

Оба подхода, так или иначе, нацелены на поощрение компромиссных стратегий поведения политических акторов в демократических рамках. Консоционалисты рекомендуют увеличение числа партийных вето-игроков в правящей коалиции, центрипеталисты – их центростремительную трансформацию и дерадикализацию их идентичности.

Рассмотрим системы распределения власти в обществе через призму этих подходов.

Консоциативный подход рекомендуется использовать в случае, когда важно не допустить правления сегмента большинства и обеспечить представление интересов признанного сегмента меньшинства. Правление большинства в разделенных обществах, по мнению А. Лейпхарта, является «не только недемократическим, но и опасным, так как меньшинства, которым постоянно запрещен доступ к власти, будут чувствовать себя исключенными и дискриминированными, и режим может потерять их лояльность» [Lijphart, 1999, p. 32–33]. «Для демократического мира и стабильности все значимые этнокультурные вето-игроки должны быть представлены в парламенте и правительстве. Оптимальной институциональной рамкой для этого является “парламентская система и коллегиальное правительство”» [Lijphart, 2004, p. 101].

¹ Под центрипетализмом (centripetalism), или центростремительным подходом, исследователи (Д. Горовиц, Б. Рейли, С. Вольфф) понимают институциональный дизайн, который создает стимулы для достижения умеренного межэтнического сотрудничества. Для представителей подхода большое значение имеет выбор электоральной системы и электоральных процедур, которые обеспечивают начало сотрудничества до выборов.

Парламентским системам свойственны «сосуществование» и взаимозависимость исполнительной и законодательной властей, когда ни одна ветвь власти не может «выжить» без другой. Исполнительная власть ответственна перед законодательной, так как всецело зависит от доверия большинства в парламенте, поэтому в парламентских системах наблюдается сотрудничество между ветвями власти и постоянный поиск компромисса. Эта логика парламентаризма соответствует интересам урегулирования конфликтов в разнородных обществах. Парламентская система – гибкая, не имеет фиксированных сроков полномочий, а ответственность парламента за политику правительства обеспечивает сильную внутрипартийную дисциплину. Главное преимущество заключается в наличии механизмов для преодоления взаимного блокирования в случае распада правящей коалиции и вынесения правительству вотума недоверия. Ропуск парламента и новые выборы могут преодолеть кризис и сформировать правительство, соответствующее новой расстановке сил в парламенте.

В парламентских системах правительство определяет повестку дня парламента и инициирует законодательство, поэтому согласно теории вето-игроков (Дж. Цебелис), в парламентской системе есть только один институциональный вето-игрок – правительство, ответственное перед парламентом. В законодательном плане «парламенты менее значимы в парламентских системах, чем в президентских, а президенты менее значимы, чем правительства» [Tsebelis, p. 325]. Избранный парламентом президент будет исключительно символизировать единство государства и выполнять свои брокерские функции лишь в случае парламентского кризиса. Однако число партийных вето-игроков зависит от числа партий в правящей коалиции и идеологической дистанции между ними. В случае разнородного общества и функционирования этнических партий для определения числа вето-игроков имеет смысл также говорить о количестве размежеваний (С.М. Липсет, С. Роккан, А. Лейпхарт и др.) между партиями в правительстве. В парламентской системе один большой сегмент может стать вето-игроком, получив всю полноту власти, так как большинство в парламенте гарантирует контроль над правительством. Однако в случае разнородных обществ для включения всех значимых сегментов в процесс принятия решений необходимо обеспечить их представительство не только в парламенте, но и в правительстве. Теоретически в

состав правительства могут войти все представленные в парламенте сегменты, включая этнокультурные меньшинства, поэтому значение имеет тип электоральной системы, обеспечивающий представительство и ведущий либо к мажоритарной, либо к консенсусной модели.

Президентские системы отличаются независимостью и разделением исполнительной и законодательной властей, так как всенародно избранный президент и парламент функционируют независимо друг от друга в плане «истоков и выживания» (М.С. Шугарт, Дж. Кэри), поэтому логика президентской системы – конфликты между ветвями власти. Специфические черты президентских систем (фиксированные сроки полномочий президента и парламента, независимость исполнительной и законодательной властей, проявляющаяся в отсутствии у парламента права выражать недоверие правительству, а у президента права роспуска парламента) делают кризисы между двумя ветвями власти неразрешимыми и создают ситуации взаимного блокирования, которые даже в однородных обществах часто решаются неконституционным путем (перевороты, «перевороты сверху» (*autogolpe*, *self-coup*), революции с всевозможными прилагательными). В случае разделенных обществ при доминировании разных этнических сегментов в двух ветвях власти кризисы и конфликты между ними могут иметь этническую окраску. При появлении недоверия действующим институтам или акторам (дилемма безопасности) этнические группы могут мобилизоваться на коллективные действия с целью достижения общего этнического блага.

Выбирая между системами правления для демократической консолидации, политологи не рекомендуют (Х. Линц, М. Шугарт и Дж. Кэри, А. Степан и С. Скач) вводить президентскую или полупрезидентскую формы, особенно с большими полномочиями всенародно избранных президентов. Наименее подходящей считается президентская форма с единоличным президентом и большими законодательными полномочиями. Для разделенных обществ, наоборот, больше подходит президентская система вследствие персонифицированной ответственности президента за политику правительства и действующей системы взаимных сдержек и противовесов. Благодаря институционализированному раздельному выживанию президента и парламента избиратели разделяют кандидатов в президенты и политические партии, которых они представляют

[Samuels, Shugart, 2010], и президент чувствует большую ответственность перед избирателями, чем перед своей партией. Как показывает исследование Д. Сэмюэлса и М. Шугарта, члены одной партии в разных ветвях власти с меньшей вероятностью будут проводить одну политику, чем при объединении властей [Samuels, Shugart, 2010]. Фиксированные сроки полномочий и «неприкосновенность» президента и парламента сделают эту политику более стабильной и предсказуемой, по крайней мере до следующих выборов.

Президентские системы могут привести к доминированию одного сегмента в исполнительной власти, однако независимые истоки власти и несинхронизированные выборы могут обеспечить представительство других сегментов в законодательной власти. В качестве консоциативного решения этой проблемы предлагается введение коллегиальных институтов президента, или поста вице-президента, представляющего интересы другого сегмента, хотя практика не дает достаточно примеров, подтверждающих их эффективность.

В отличие от систем с символическими полномочиями президентов, системы со значительными полномочиями формируют кооперативную стратегию соревнования за пост президента. Кандидаты будут стремиться получить широкую кросс-секторальную и кросс-региональную поддержку и создавать довыборные коалиции, тем самым стимулируя объединение разнородного общества. Наличие беспартийного всенародно избранного президента, позиционирующего себя над этническими размежеваниями и являющегося идеологическим центром для сплочения общества, обеспечит необходимое для стабильности единство. С точки зрения центрипеталистского подхода электоральные правила выборов президента играют большую роль, так как они могут дать возможность меньшинству если не победить на выборах, то повлиять на их результат. Президентские выборы по мажоритарной системе, не учитывающей голос меньшинства, могут еще более разделить общество и институционализировать неравновесность сегментов. Кросс-секторальному сближению позиций кандидатов и выбору наиболее компромиссной фигуры президента будет способствовать использование других мажоритарных механизмов. Например, преференциальная система голосования будет вынуждать победителя не только получить голоса своих сторонников, но и быть как минимум вторым выбо-

ром для всех остальных. Кросс-секторальному сближению будет также способствовать необходимость получения победителем географически распределенной поддержки (преодоление определенного порога во всех регионах или в большинстве регионов).

Полупрезидентские системы характеризуются сочетанием всенародно избранного президента и премьер-министра, зависящего от доверия парламента, поэтому в отличие от президентской системы, политика правительства всегда будет соответствовать позиции парламентского большинства. Основным преимуществом такой системы является отсутствие кризисов между ветвями власти или их быстрое разрешение, так как главным условием выживания правительства является его поддержка парламентом. По сравнению с президентскими системами исполнительная власть в полупрезидентских системах обладает большей подотчетностью, так как проводимая политика требует согласия со стороны парламента. При многопартийном парламенте в разнородном обществе для получения согласия парламента премьер-министру придется занять умеренную центристскую и примирительную позицию.

Обычно выделяют два типа полупрезидентских систем: премьер-президентская с исключительной ответственностью правительства перед парламентом и президентско-парламентская – с двойной ответственностью правительства и перед президентом, и перед парламентом. Главной отличительной чертой премьер-президентской системы является то, что «состав правительства всегда совместим с парламентом, но не обязательно одновременно совместим с президентом» [Shugart, 2005, p. 339]. В президентско-парламентской системе, наоборот, состав правительства будет всегда совместим с президентом, и не всегда с парламентом. В премьер-президентской системе президент не может гарантировать, что выдвинутый кандидат займет пост премьер-министра, если по результатам выборов сложилось определенное большинство, поэтому право назначения премьер-министра актуально только в случае фрагментации парламента и невозможности достижения межпартийного компромисса.

Полупрезидентские системы могут функционировать как мажоритарные или как консенсусные. Когда партия президента обладает большинством в парламенте и формирует однопартийное правительство, она получает все ветви власти. При отсутствии большинства в парламенте партии придется формировать прави-

тельство меньшинства, коалиционное правительство или переходить в оппозицию.

Из двух полупрезидентских систем политологи рекомендуют (Дж. Кэри, Р. Элджи) выбирать премьер-президентскую систему для достижения и демократии, и мира. Премьер-президентская система призвана перераспределить полномочия президента между премьер-министром и парламентом, поэтому в разделенном обществе всенародно избранный президент будет также играть роль арбитра, гарантирующего политическое единство и стабильность, а представленные в парламенте сегменты смогут войти в состав коалиционного правительства. Сосуществование президента и премьера из разных партий, свойственное премьер-президентским системам, часто приводит к конфликту между президентом и парламентом. В случае разделенного общества такое межэтническое сосуществование может способствовать достижению консенсуса между этническими сегментами.

Таким образом, все системы распределения власти (президентские, полупрезидентские и парламентские) в гетерогенных обществах могут оказаться и мажоритарными, и консенсусными, включать или исключать отдельные сегменты, приводить к объединению и разъединению общества, стимулировать компромиссы или оппозицию, разрешать или стимулировать конфликты. Как писал А. Пшеворский, «мир удастся сохранить при таком институциональном дизайне, при котором шанс победы на институциональном поле сравним с шансом преобладания в результате силового способа» [Пшеворский, 2013, с. 401]. В случае разделенного общества мир должен быть межэтническим, поэтому при создании и реформировании политических институтов важное значение имеет политическая воля «институциональных дизайнеров» и их желание либо завуалировать этнические конфликты, либо перевести их в рамки институтов. Для обеспечения межэтнического мира институты должны предотвращать появление «дилеммы безопасности», обеспечив взаимное доверие и включенность всех сегментов в процесс выборов и процесс принятия решений. Конфигурация институтов, которая позволит этническим сегментам решить конфликт мирными методами, имеет большое значение для поддержания стабильности, порядка и демократии в разделенном обществе. Однако акторам приходится делать выбор между этими тремя целями, так как в разнородных обществах институциональ-

ные установки для достижения одной цели могут препятствовать достижению других.

Институциональные реформы в Турции и курдский вопрос

Строительство государства при культурном многообразии может иметь целью создание нации-государства и государства-нации, и Турция выбрала второй путь. В теории А. Степана и Х. Линца «подход нации-государства предполагает создание общей культуры внутри государства, подход государства-нации требует большего – уважения к общим институтам и социокультурным отличиям», причем «государство-нация является не предустановленной реальностью... а результатом политики и дизайна» [Stepan, Linz, Yadav, 2011, p. 4–5].

Конституция 1924 г. была разработана однопартийным парламентом во главе с Народной партией Ататюрка, и хотя она «была демократической по духу и не содержала намека на появление однопартийного режима, она стала инструментом его поддержания, так как не предусматривала сдержек и противовесов абсолютной власти парламентского большинства» [Özbudun, 2012, p. 40]. Основатель республики стремился создать нацию-государство на основе шести принципов кемализма: лаицизма (секуляризма), республиканизма, национализма, народности, этатизма и реформизма. Секуляризм должен был уменьшить роль ислама, и как следствие курды перестали принадлежать к исламскому большинству в новом государстве.

На основе анализа случая Турции и Швеции Д. Растоу заключил, что единственным предварительным условием для развития демократии является наличие национального единства – осознание гражданами общей идентичности или... отсутствия у них сомнений относительно того, к какому политическому сообществу они принадлежат [Растоу, 1996, с. 7]. Республиканская партия строила национальное, точнее государственное, единство с отчетливо выраженным турецким характером: турецкий язык закреплялся в качестве официального, понятие «турок» «включало всех граждан республики безотносительно расы и религии» (ст. 88), и все множественные идентичности должны были объединиться в одну турецкую нацию. Согласно Р. Донмезу, «нация определялась в кон-

тексте гражданства без этнических и культурных различий, которые ассимилировались в турецкую метаидентичность через исторические мифы и турецкий язык» [Donmez, 2007, p. 44]. Политика ассимиляции курдов и непризнание отдельной курдской идентичности привели к отчуждению и политизации курдов, и «в период с 1924 по 1932 г. было организовано 16 антиправительственных восстаний» [Donmez, 2007, p. 60], часть которых носила сепаратистский характер. Так называемая «дилемма безопасности» усиливается, когда государство находится на стадии государствовоительства [см.: Posen, 1993], и меньшинства, особенно этнические, могут начать мобилизацию, превентивные наступления и провозглашать независимость отдельных регионов. Несмотря на подавление любых проявлений антитурецких настроений, по мнению некоторых авторов, «в этот период происходило соревнование двух версий национализма – национального секулярно-лингвистического и общинного этнорелигиозного» [Yavuz, 2001, p. 9]. Эти два проявления национализма присутствуют в Турции по настоящее время.

В Турции армия до недавнего времени была сильным veto-игроком в политической системе и защитницей республиканских националистических принципов. Армия организовала четыре успешных военных переворота (1960, 1971, 1980 и 1997), в том числе два постмодернистских – переворота через меморандум, «воодушевленная единым духом турецкого национализма» (преамбула Конституции 1961 г.) и «в момент приближения сепаратистской, разрушительной и кровавой гражданской войны, беспрецедентной для республиканской эпохи и угрожающей целостности турецкой нации» (преамбула Конституции 1982 г.).

По Конституции 1961 г. президент являлся главой государства и обладал церемониальными полномочиями – представлял республику и обеспечивал единство и целостность нации. Для этого президент должен был находиться над партиями, потому в Конституцию было впервые введено условие политической нейтральности президента: президент должен был «выйти из состава парламента и дистанцироваться от политических партий» (ст. 95). Президент избирался двумя третями голосов нижней палаты (Национальной ассамблеи) из состава членов палаты на один семилетний срок. Законодательные полномочия президента сводились только к праву вето. Все президентские указы должны были иметь контрасигнатуру премьер-министра или соответствующих минист-

ров, что снимало с президента ответственность. Незаконотательные полномочия включали назначение премьер-министра и членов правительства по предложению премьер-министра из состава парламента, возможность председательствовать на заседаниях правительства и назначение новых выборов после вотума недоверия правительству. Таким образом, президент играл символическую роль, выполняя исключительно представительские функции и находясь над политикой.

Конституция 1982 г. также устанавливала парламентскую систему, но давала президенту более широкие законодательные полномочия, которых обычно нет у президентов в таких системах. Президент избирался парламентом на один семилетний срок (двумя третями голосов в первых двух турах или абсолютным большинством в третьем туре), необязательно из членов парламента. Чтобы стать гарантом целостности нации и беспристрастности, после избрания президент должен был прекратить связи с партией и выйти из состава парламента. Беспартийный президент получил значительные законодательные полномочия. Он обладал правом вето, мог выступать с ежегодным обращением к парламентам, при необходимости созывать парламентам, обращаться в Конституционный суд и выносить на референдум поправки к конституции. Кроме назначения премьер-министра и членов правительства, назначения новых выборов и возможности председательствовать на заседаниях правительства, президент получил новые полномочия. Теперь он мог вводить чрезвычайное положение, издавать указы в соответствии с решениями правительства, принятые под его председательством, созывать Совет национальной безопасности и председательствовать на его заседаниях. Президент получил право роспуска парламента при определенных условиях, связанных с невозможностью сформировать правительство или вотумом недоверия назначенному правительству. Таким образом, Конституция поставила президента в центр политической системы, но наделила его полномочиями, которые «противоречили духу классического парламентского режима» [Coşkun, 2013, p. 96], создав тем самым «ослабленный парламентаризм» (*parlementarism atténué*) [Democratization and the politics... 2009, p. 21].

Конституции 1961 и 1982 гг. «стали отражением авторитарного, этатистского и опекунского менталитета военных основателей» [Özbudun, 2012, p. 40], продолжающих секулярную и

государственно-националистическую линию кемализма. Первые президенты Турции после принятия конституций были военными: Джемаль Гюрсель (1961–1966), Джевдет Сунай (1966–1973), Фахри Корутюрк (1973–1980), Кенан Эврен (1982–1989). По мнению Л. Гёненча, смысл сильного президентства заключался в его функции «как последнего бастиона секуляризма» [Gönenç, 2008, p. 518].

Роспуск политических партий и введение десятилетнего запрета на деятельность партийных лидеров (снятый в 1987 г.) должны были обеспечить качественную трансформацию партийной системы, а введенный в 1983 г. 10%-ный избирательный порог для политических партий при сохранении системы пропорционального представительства – не допустить в парламент радикалов и предотвратить фрагментацию.

Национальный совет безопасности включил в Конституцию 1982 г. положение о невозможности изменений первых трех статей, касающихся основных принципов государственности, определения народа и официального языка (ст. 4). Таким образом, новая конституция в очередной раз не признала наличие курдского сегмента.

Рабочая партия Курдистана (РПК) была основана харизматичным лидером А. Оджаланом в 1978 г. как марксистско-ленинская революционная партия курдского национализма, провозгласившая своей целью создание независимого курдского коммунистического государства и объявившая о начале курдского восстания в 1984 г. РПК прибегла к террористическому методу, к насилию, направленному против двух врагов курдской государственности: внешних – государство и армия, и внутренних – курды, сотрудничающие с государством. По мнению Р. Донмеза, «насилие со стороны государства травмировало левых курдов и привело к возрождению их коллективной идентичности, заложив фундамент курдского этнонационализма» [Donmez, 2007, p. 52]. В базе вооруженных конфликтов конфликт между правительством и РПК является гражданской войной в период с 1992 по 2002 г., так как, во-первых, приводит к тысяче боевых жертв в год, во-вторых, одной из сторон конфликта является центральное правительство, в-третьих, присутствует эффективное сопротивление с обеих сто-

рон конфликта, в-четвертых, конфликт происходит в рамках суверенного государства¹.

Этническая мобилизация в гетерогенных обществах всегда имеет целью расширение политических прав этнической группы и предоставление участия в процессах принятия решений и самоуправления (от автономии и федерализации до сецессии и независимости) [подробнее см.: Roeder, 2003]. Причем этнические конфликты в странах, где одна этническая группа доминирует в политическом центре, а другая сконцентрирована на периферии, находятся на втором месте по продолжительности, так как часто являются трудноразрешимыми [Fearon, 2004]. Террористические атаки, организованные РПК от имени курдского непризнанного сегмента, привели к 40 тыс. жертв [Somer, Liaras, 2010, p. 153]. По данным глобального индекса терроризма, в Турции зафиксировано 4292 случая террористических действий, из которых 2146 были связаны с курдскими организациями, в том числе 2128 – с РПК². Терроризм является стратегией меньшинства, у которого нет других средств, чтобы противостоять большинству, однако действующего «от имени, хотя и без консультаций, согласия и одобрения своей группы» [Crenshaw, 1981, p. 384]. Турецкое правительство проводило антитеррористические операции, не признавая ни этнической природы конфликта, ни наличия политизированного курдского сегмента.

Большинство курдов стремились к участию в политической системе через существующие политические партии и не раз участвовали в правительственных коалициях как представители основных правящих партий. Создаваемые прокурдские партии не могли идеологически дистанцироваться от РПК, так как имели схожие цели и выступали за права одной общины. Конституционный суд Турции, обладающий правом судебного пересмотра законов и организаций, налагал запрет на каждую вновь созданную прокурдскую партию, продвигающую в рамках парламента нарушающую единство нации повестку дня (конституционная защита культур-

¹ См.: Department of peace and conflict research. – Режим доступа: <http://https://ucdp.uu.se> (Дата посещения: 01.06.2019.)

² Global terrorism database. – 2017. – June. – Mode of access: <http://www.start.umd.edu/gtd/downloads/Codebook.pdf> (Accessed: 01.06.2019.)

ных прав курдов, создание автономии, усиление полномочий муниципальных властей, амнистия для РПК).

Прокурдские партии долгое время не могли пройти в парламент из-за высокого электорального порога в 10%, однако электоральные правила давали возможность получать места через выборы независимых кандидатов в многомандатных курдских округах, используя стратегию, которая обычно применяется партиями при выборах по системе единого непереходящего голоса¹. В 2002 г. Демократическая партия народов (ДПН) получила 6,2% голосов, но не вошла в парламент, а в 2007 г. «независимые» получили 5,2% голосов и 26 мест, в 2011 – 35 мест². Предвыборную агитацию прокурдские партии могут вести только на турецком языке, а курдские регионы имеют самый низкий в стране уровень социально-экономического развития. Так, в 2010 г. средний уровень грамотности среди курдского населения составлял 82,8%, среди старшего поколения – 64,2, и только 26% курдов имели образование³. Впервые прокурдская партия ДПН преодолела барьер и прошла в парламент по партийным спискам в июне 2015 г., после чего стабильно занимала 3-е или 4-е место по результатам национальных выборов.

Переход к президентской системе давно обсуждался в политических и академических кругах, ранее о нем говорили президенты Т. Озал и С. Демирель. Как считал С. Демирель (президент с 1993 по 2000 г.), «исполнительная власть должна быть независимой от власти законодательной, а законодательная и судебные власти должны стать сдерживающими факторами и противовесами для власти исполнительной, а этого можно достичь только в президентской системе» [Türk, 2011, p. 42].

Парламентский кризис 2007 г. позволил вынести этот вопрос на референдум, который касался следующих вопросов: всенарод-

¹ Подробнее см.: Shugart M.S. Turkish ruling party gains in votes, declines in seats. – 2007. – Mode of access: <https://fruitsandvotes.wordpress.com/2007/07/22/turkish-ruling-party-gains-in-votes-declines-in-seats/> (Accessed: 01.06.2019.)

² Parliamentary Elections in Turkey, Directorate General of press and information. – 2015. – November. – Mode of access: http://www.byegm.gov.tr/uploads/docs/ingilizce_kitap_1c.pdf (Accessed: 1.05.2018.)

³ KONDA Kürt Meselesini yeniden Düşünmek. – 2010. – P. 20. – Mode of access: http://konda.com.tr/wp-content/uploads/2017/02/2010_12_KONDA_Kurt_Meselesini_Yeniden_Dusunmek.pdf (Accessed: 15.06.2019.)

ные выборы президента, номинирование кандидатуры политическими партиями, получившими более 10% голосов, сокращение срока президентских полномочий до пяти лет, возможность второго срока и уменьшение парламентского кворума, необходимого для принятия решений. В результате референдума, сохранив полномочия президента, прописанные в Конституции 1982 г., Турция осуществила переход от парламентской к премьер-президентской системе. Прокурдская Демократическая партия народов (ДПН) в 2007 г. поддержала этот переход, утверждая, что «референдум сделает Турцию более демократичной и приведет к мирному сосуществованию между турками и курдами» [Levitt, Ciplak, p. 463].

Можно предположить, что референдум имел символический характер для курдов, так как главные надежды возлагались на решение курдского вопроса. Ранее в 2005 г. во время посещения курдских территорий в Диярбакыре премьер-министр Р. Эрдоган заявил: «Курдская проблема – моя проблема» – и провозгласил Партию справедливости и развития (ПСР) настоящей представительницей курдов [Somers, Liaras, p. 153]. После провозглашения «курдского открытия» «парламент принял ряд законов, разрешающих ограниченное радио- и телевидение на языках меньшинств и свободное использование национальных языков, в том числе и для образовательных целей» [Дружиловский, 2006, с. 151]. Хотя «курдское открытие» привело к минимальным по сути результатам, оно является важной вехой на пути к разрешению курдского вопроса, так как наличие курдской проблемы было официально признано. «Де-факто признав этническую, культурную и региональную гетерогенность, Турция перестала быть однородным плавильным котлом» [Somers, Liaras, p. 153]. В 2011 г. Р. Эрдоган принес публичные извинения «за убийство армией 13 000 курдов в 1930-е гг.»¹, чем заслужил поддержку курдов.

Скромные результаты политики «курдского открытия» и антикурдская позиция Турции в сирийском конфликте изменили отношение курдов к правительству и ПСР. За три года – с 2012 по 2015 – уровень доверия курдов-избирателей ПСР к правительству снизился с 79 до 62% (см.: Приложение, рис. 4), а электоральная

¹ Turkey PM Erdogan apologises for 1930 s Kurdish killings. – 2011. – November. – Mode of access: <https://www.bbc.com/news/world-europe-15857429> (Accessed: 01.05.2019.)

поддержка ПСР в период с 2010 по 2019 г. уменьшилась в два раза (см.: Приложение, рис. 3).

В результате конституционных изменений 2007 г. срок полномочий парламента был сокращен до четырех лет, но неодновременность проведения президентских и парламентских выборов сразу привела к трудностям. Президент Турции получил демократическую легитимность, но не единоличный контроль над правительством, поэтому после июньских выборов 2015 г. президент не смог повлиять на формирование правительства, что привело к повторным парламентским выборам в ноябре 2015 г. Чтобы обеспечить победу ПСР на выборах, «беспартийному» президенту Р. Эрдогану пришлось нарушить конституционный принцип президентской беспристрастности и открыто поддержать предвыборную кампанию лидера ПСР А. Давутоглу. Р. Эрдоган стал говорить о минусах премьер-президентской системы и необходимости изменения конституции: «Многоглавая система замедляет процесс развития как кандалы... Я верю в то, что все проблемы будут решены в президентской системе»¹.

К концу 2016 г. предложенные поправки были рассмотрены парламентом и вынесены на апрельский референдум 2017 г. Прокурдская ДПН бойкотировала голосование в парламенте по поправкам Конституции и призывала своих сторонников не поддерживать ПСР на референдуме. По результатам референдума Турция перешла к президентской системе, в которой президент стал главой государства, главой правительства и главой правящей партии, тем самым была легализована партийность президента. По мнению ДПН, в результате референдума Турция переходит к выборной диктатуре: «Государство превращается в политическую партию, разделение властей упраздняется, правительство переходит к правлению указами и посредством введения чрезвычайного положения»².

В соответствии с новыми поправками Президент Турции становится главой государства, главой правительства и главой

¹ Erdoğan R. Interview. Turkish Radio and Television Corporation (TRT). – 2015. – 29.01. – Mode of access: <https://www.tccb.gov.tr/en/interviews/1716/3190/turkish-radio-and-television-corporation-trt.html> (Accessed: 02.01.2016.)

² We call for a joint struggle... Let's not stop! Let's say stop! – Mode of access: <https://www.hdp.org.tr/en/news/from-hdp/we-call-for-a-joint-struggle-lets-not-stop-lets-say-stop/10816> (Accessed: 01.05.2019.)

правлящей партии. Конституционные изменения восстановили партийность президента. Парламентарии теряют любой контроль над исполнительной властью: включая назначение, вотум недоверия и возможность задать устные вопросы. Единственный оставшийся механизм влияния – письменные вопросы вице-президенту и членам правительства, на которые должен быть получен письменный ответ в течение 15 дней. Законодательные и незаконотательные полномочия президента достаточно обширны: издание указов, имеющих силу закона (при отсутствии закона; в случае противоречия с законом или после принятия закона, соответствующего указу, последний теряет силу), введение чрезвычайного положения и издание чрезвычайных декретов; вынесение вопросов о внесении поправок в конституцию на референдум и роспуск парламента. Некоторые полномочия президента не соответствуют принципу разделения властей, лежащему в основе президентской системы, но при гибридном политическом режиме президентская система не может быть представлена в чистом виде. Учитывая османский опыт единоличного правления, по мнению многих исследователей, президентская система в Турции приводит к появлению «избранного султана» [Türk, 2011, p. 43].

Турция до настоящего времени является разделенным обществом с непризнанным, но политизированным курдским сегментом. Ни одна турецкая элита не поднимала вопрос об институциональных механизмах урегулирования курдского вопроса и обеспечении доступа курдского сегмента к процессу принятия решения. Исключением является только Тургут Озал (премьер-министр в 1983–1989, президент в 1989–1993 гг.), который считал, что «единственным путем решения курдской, как и других ближневосточных проблем, могло бы быть создание федерации между Турцией, Ираком и Сирией» [Кудряшова, Матюхин, 2013, с. 124].

Курдский сегмент в идеологическом плане не является единым. Два раскола: религия – секуляризм, этничность – турецкость – ограничивают потенциал общего курдского движения в деле решения курдского вопроса. Турецкие исследователи выделяют три группы курдов – интегрированные курды, курды-исламисты и курды-сепаратисты. «Первая группа является умеренной и удовлетворена статус-кво, последняя представляет различные требования для решения курдского вопроса – от введения автономии до собственной государственности, вторая включает элементы первых

двух» [Aydinli, Ozcan, 2011, p. 447]. Интегрированные курды голодают за все политические партии, в зависимости от программы, поддерживая, в первую очередь, политику расширения гражданских прав, развития экономики и демократии. Около 20% курдов являются исламистами и поддерживают ПСР, и 40% курдов – курдами-сепаратистами, выбирающими между РПК и ДПН [Aydinli, Ozcan, 2011]. Авторитетные опросы общественного мнения показывают, что 27% курдов на первое место ставят национальную идентичность, 32 – религиозную и 41% – этническую (см.: Приложение, рис. 1), причем для 52% курдов – сторонников ДПН первостепенное значение имеет этническая идентичность, а для 32% курдов – сторонников ПСР – религиозная (см.: Приложение, рис. 2). Это подтверждает, что этничность имеет значение для курдов даже в период возрождения исламских ценностей.

Насколько применимы теоретические модели управления этнокультурной разнородностью к турецкому случаю? Для защиты прав меньшинств широко применяются консоциативные механизмы, а именно пропорциональное представительство, право вето, большая коалиция и автономия. Если будет выбран путь создания консоциации, необходимо будет сначала признать сегмент. Применение общественных механизмов в Турции будет также осложнено неравновесностью сегментов. По мнению Ч. Кауфманна, общественный подход – «по сути своей волюнтаристский, он требует сознательного решения элит сотрудничать для предотвращения этнического конфликта» [Kaufmann, 1996, p. 156]. Консоциализм с его гарантиями нужен, в первую очередь, меньшинству. Большинству же, по мнению Д. Горовица, «нужно правление большинства, и только необычное стечение обстоятельств может заставить большинство отказаться от правления большинства в пользу неаждоритарных институтов общественного типа» [Horowitz, 2002, p. 197–198]. С момента создания республики турецкий сегмент всегда доминировал и объективно не был заинтересован в такой системе.

Применение консоциативных механизмов невозможно без снятия запрета на этноконфессиональные партии. Политизация этничности в Турции сразу приведет к формированию этнических партий. В настоящий момент все политические партии в Турции являются идеологическими, и прокурдская партия ДПН является не политической партией курдов, а партией, выступающей за

смягчение политики государства по отношению к курдам. Формирование этнических партий будет угрожать принципу единства нации, прописанному в Конституции.

Президентская система с большими полномочиями президента не предполагает принятия коллегиальных исполнительных решений, поэтому также не будет способствовать функционированию консоциативных механизмов. Можно предположить, что вариант консоциации не будет реализован в Турции, хотя применение отдельных элементов возможно, например пропорциональное представительство (при снижении электорального барьера) и культурная автономия. Как считает Д. Горовиц, консоционализм – это комплекс мер, поэтому пропорциональное представительство без права вето меньшинства будет неэффективным механизмом для управления разделенным обществом [подробнее см.: Horowitz, 2000].

Для случая Турции может подойти центростремительный подход, предполагающий широкое участие и централизованную власть и обеспечивающий единство через принятие мажоритарных решений умеренной центристской партией или коалицией, объединяющей интересы всех этнических групп. Для воплощения этой модели нужны сильные центростремительные институты, которые смогут сдерживать центробежные тенденции и направлять их в конструктивное русло.

По мнению некоторых исследователей, «голос, не вето – являются девизом центростремительности», поэтому «центростремительная полития должна иметь следующие характеристики: сильную исполнительную власть, сильные партии, отсутствие фиксированных сроков, право роспуска парламента, многопартийное соревнование и голосование на основе партийной идентификации...» [Gerring, Thacker, Moreno, 2005, p. 570]. Переход Турции к президентской системе создал все перечисленные институциональные условия для воплощения центростремительной модели, которая, по сути, является мажоритарной.

Цель центростремительной модели в теории Д. Горовица заключается в создании умеренного межэтнического центра через стимулирование этнических партий к умеренности и сотрудничеству с другими умеренными партиями других этнических групп [Horowitz, 2000, p. 260].

В центростремительной модели президент и партия власти должны быть «победителем по Кондорсе» (т.е. победить в каждой

паре кандидатов). В настоящее время Партия справедливости и развития является единственной партией, которая может претендовать на роль умеренного центра: во-первых, достижение единства позиционируется как главная цель и Р. Эрдогана, и ПСР; во-вторых, ПСР является единственной некурдской партией, которая может работать с курдами в силу консервативного характера своей идеологии, в-третьих, другие крупные партии – Партия националистического движения ПНД и Народная республиканская партия (НРП) – сохраняют приверженность турецкому национализму. Как отмечает В.В. Матюхин, «ПСР занималась активным внедрением в общественное сознание той мысли, что современное турецкое государство не является исключительно созданием основателя республики Мустафы Кемали Ататюрка, а в равной степени выступает наследником Османской империи» [Матюхин, с. 26–27]. Идеология ПСР объединяет социальный консерватизм и неолиберализм и претендует на достижение объединения на основе исламской солидарности между различными, в том числе этническими, группами, поэтому ее идеология находит сторонников в лице курдов. По мнению сторонников ПСР, «курдская проблема связана не с национализмом, а навязанным секуляризмом и турецким национализмом, насаждаемыми кемализмом, поэтому при акценте на общие исламские корни и братство можно завершить конфликт и усилить единство» [Sarigil, 2010, p. 536]. Национализаторская политика сохраняется, но преобразуется в исламский национализм, что позволяет ПСР получать поддержку религиозных курдов.

Итак, сочетание мажоритарного понимания общей воли партией власти и лидера, несущего персонифицированную ответственность за политику правительства, может создать условия для центристской модели. Прагматичному Р. Эрдогану необходима политическая воля, чтобы попытаться решить непростой курдский вопрос и стать «победителем по Кондорсе».

Выводы

Пример Турции, которая ранее составляла ядро Османской империи, подтверждает тезис о распространенности в постимперских странах национализаторской [Brubaker, 2011] политики по отношению к периферии. Для управления этнокультурной разно-

родностью была выбрана политика централизации, ассимиляции и туркизации. Этнический конфликт, этническая война и этнический терроризм стали следствием выбранной модели государственностроительства, стимулирующей курдскую политизацию с целью признания прав сегмента и / или создание нового суверенного государства курдов. Ни одна турецкая элита не поднимала вопрос об институциональных механизмах урегулирования курдского вопроса и обеспечении доступа курдов как единого сегмента к процессу принятия решения. Институциональные трансформации в Турции – переход от парламентской системы к премьер-президентской и далее к президентской – были направлены на поддержание национализаторской стратегии управления разнородностью. Все принятые конституции закрепляли турецкий язык в качестве официального и не признавали наличие курдского сегмента.

Вопрос о теоретических путях решения курдской проблемы может оказаться на повестке дня в преддверии следующих президентских и парламентских выборов, запланированных на июнь 2023 г. По результатам муниципальных выборов 2019 г., которые представлялись как референдум доверия Р. Эрдогану, можно предположить, что борьба за курдский электорат в дальнейшем обострится. Вновь возникнет вопрос о признании курдского сегмента, его культурных прав и смягчении политики в отношении курдов. Для победы на выборах Партии справедливости и развития и лично президенту Р. Эрдогану придется более четко обозначить курс на интеграцию турецких курдов одновременно с усилением безопасности границ. Президентская система с персонифицированной ответственностью президента за действия правительства создает институциональные условия для центростремительной модели управления этническим конфликтом. Время покажет, сможет ли харизматик Р. Эрдоган найти «умеренный центр» между турецким национализмом «бессмертного лидера и непревзойденного героя Ататюрка» [преамбула конституции] и курдским национализмом заключенного лидера курдских радикалов А. Оджалана.

Приложение

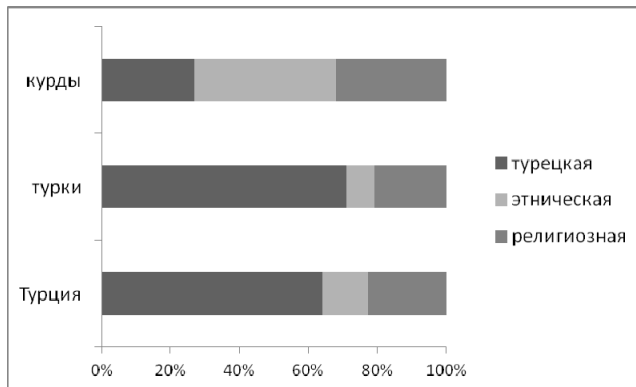


Рис. 1.

Ответ на вопрос «Какая идентичность для Вас важнее?» (2015)

Источник данных: KONDA Barometresi TEMALAR Güven ve Kürt Meselesi Eylül 2015¹.

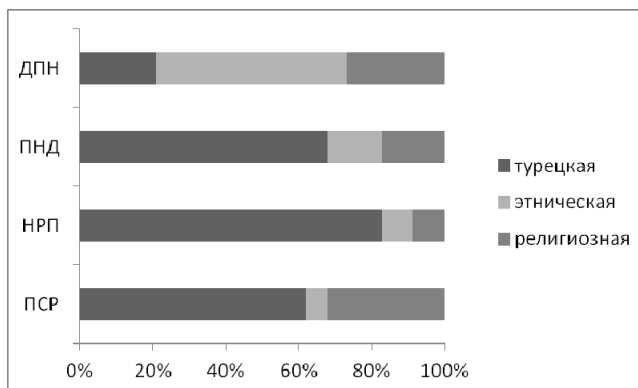


Рис. 2.

Поддержка политической партии и ответ на вопрос «Какая идентичность для Вас важнее?» (2015)

Источник данных: KONDA Barometresi TEMALAR Güven ve Kürt Meselesi Eylül 2015¹.

¹Mode of access: <https://konda.com.tr/tr/rapor/guven-ve-kurt-meselesi/> (Accessed: 15.06.2019.)

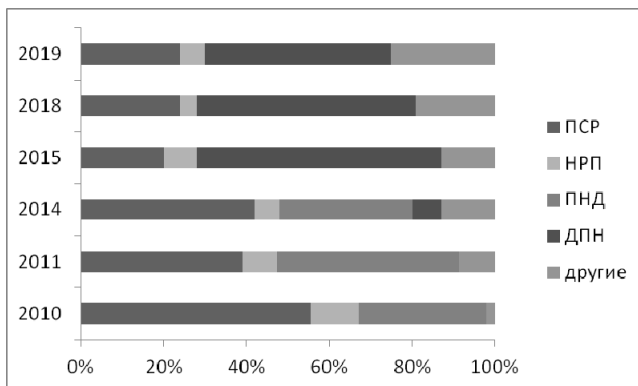


Рис. 3.

Электоральные предпочтения курдов

Источник данных: составлено автором на основе барометров общественного мнения².

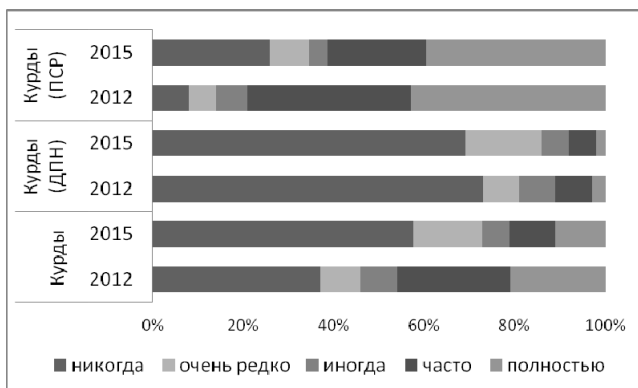


Рис. 4.

Доверие правительству со стороны курдов, голосующих за правящую (ПСР) и курдскую (ДПН) партии

Источник данных: составлено автором на основе барометров общественного мнения³.

¹ Mode of access: <https://konda.com.tr/tr/rapor/guven-ve-kurt-meselesi/> (Accessed: 15.06.2019.)

² Mode of access: <http://www.konda.com.tr> (Accessed: 15.06.2019.)

³ Там же.

Список литературы

- Дружиловский С.Б.* Влияние иракского кризиса на урегулирование курдской проблемы в Турецкой Республике // Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века / под ред. О.И. Жигалиной. – М.: Институт Ближнего Востока РАН, 2006. – С. 141–152.
- Кудряшова И.В., Матюхин В.В.* Турция: национальные интересы и имперскость // Политическая наука. – 2013. – № 3. – С. 117–136.
- Лейнхарт А.* Демократия в многосоставных обществах. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 286 с.
- Матюхин В.В.* Факторы устойчивости режима с доминирующей партией в современной Турции: дис. ... канд. полит. наук. – М.: МГИМО, 2018. – Режим доступа: https://mgimo.ru/science/diss/Matyukhin_diss.pdf (Дата посещения: 01.07.2019.)
- Пшевorskий А.* Политический институт и политический порядок // Демократия в российском зеркале. – М.: МГИМО, 2013. – С. 398–428.
- Растоу Д.* Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. Политические исследования. – 1996. – № 5. – С. 5–15.
- Aydinli E., Ozcan N.A.* The conflict resolution and counterterrorism dilemma: Turkey faces its Kurdish question // Terrorism and Political Violence. – 2011. – Vol. 23, N 3. – P. 438–457. – DOI: <https://doi.org/10.1080/09546553.2011.557328>
- Brubaker R.* Nationalizing states revisited: projects and processes of nationalization in post-Soviet states // Ethnic and Racial Studies. – 2011. – Vol. 34, N 11. – P. 1785–1814. – DOI: <https://doi.org/10.1080/01419870.2011.579137>
- Coşkun V.* Constitutional amendments under the justice and development party rule // Insight Turkey. – 2013. – Vol. 15, N 4. – P. 95–113.
- Crenshaw M.* The causes of terrorism // Comparative Politics. – 1981. – Vol. 13, N 4. – P. 379–399. – DOI: <https://doi.org/10.2307/421717>
- Democratization and the politics of constitution-making in Turkey / E. Özbudun, Ö.F. Gençkaya (eds.). – N.Y.: CEU Press, 2009. – 156 p.
- Donmez R.O.* Nationalism in Turkey: Political Violence and Identity // Ethnopolitics. – 2007. – Vol. 6, N 1. – P. 43–65. – DOI: <https://doi.org/10.1080/17449050601161340>
- Fearon J.* Why do some civil wars last so much longer than others? // Journal of Peace Research. – 2004. – Vol. 41, N 3. – P. 275–301. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0022343304043770>
- Gerring J., Thacker S.C., Moreno C.* Centripetal democratic governance: a theory and global inquiry // American Political Science Review. – 2005. – Vol. 99, N 4. – P. 567–581. – DOI: <https://doi.org/10.1017/s0003055405051889>
- Gönenç L.* Presidential elements in government: Turkey // European Constitutional Law Review. – 2008. – Vol. 4, N 3. – P. 488–523. – DOI: <https://doi.org/10.1017/s1574019608004884>
- Horowitz D.L.* Constitutional design: an oxymoron? // Designing democratic institutions / Ed. by I. Shapiro, S. Macedo. – N.Y.; L.: N.Y. univ. press, 2000. – P. 253–284.
- Horowitz D.L.* Explaining the Northern Ireland agreement: the sources of an unlikely constitutional consensus // British Journal of Political Science. – 2002. – Vol. 32, N 2. – P. 193–220. – DOI: <https://doi.org/10.1017/s000712340200008x>

- Kaufmann C.* Possible and impossible solutions to ethnic civil wars // *International Security*. – 1996. – Vol. 20, N 4. – P. 136–175. – DOI: <https://doi.org/10.2307/2539045>
- Levitt B.S., Ciplak B.* Minority group strategies for endogenous institutional change: Kurdish parties and voters in Turkey's 2007 Referendum // *Nationalism and ethnic politics*. – 2012. – Vol. 18, N 4. – P. 452–475. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13537113.2012.734176>
- Lijphart A.* Constitutional design for divided societies // *Journal of Democracy*. – 2004. – Vol. 15, N 2. – P. 96–109. – DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2004.0029>
- Lijphart A.* *Patterns of Democracy: government forms and democracy in 36 countries*. – New Haven; L.: Yale Univ. Press, 1999. – 351 p.
- Özbudun E.* Turkey's search for a new constitution // *Insight Turkey*. – 2012. – Vol. 14, N 1. – P. 39–50.
- Posen B.R.* The security dilemma and ethnic conflict // *Survival*. – 1993. – Vol. 35, N 1. – P. 27–47. – DOI: <https://doi.org/10.1080/00396339308442672>
- Reilly B.* Political engineering and party politics in conflict-prone societies // *Democratization*. – 2006. – Vol. 13, N 5. – P. 811–827. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13510340601010719>
- Roeder P.G.* Clash of civilizations and escalation of domestic ethnopolitical conflicts // *Comparative Political Studies*. – 2003. – Vol. 36, N 5. – P. 509–540. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414003036005002>
- Samuels D., Shugart M.* La nomination et la révocation du Premier ministre en régime semi-présidentiel: l'impact de la présidentialisation des partis // *Revue internationale de politique comparée*. – 2010. – Vol. 17, N 1. – P. 67–91. – DOI: <https://doi.org/10.3917/ripc.171.0067>
- Sarigil Z.* Curbing Kurdish ethno-nationalism in Turkey: an empirical assessment of pro-Islamic and socio-economic approaches // *Ethnic and Racial Studies*. – 2010. – Vol. 33, N 3. – P. 533–553. – DOI: <https://doi.org/10.1080/01419870903118114>
- Shugart M.S.* Semi-presidential systems: dual executive and mixed authority patterns // *French Politics*. – 2005. – N 3. – P. 323–351. – DOI: <https://doi.org/10.1057/palgrave.fp.8200087>
- Sirkeci I.* Exploring the Kurdish population in the Turkish context // *Genus*. – 2000. – Vol. 56, N 1/2. – P. 149–175.
- Somer M., Liaras E.G.* Turkey's new Kurdish opening: religious versus secular values // *Middle East Policy*. – 2010. – Vol. 27, N 2. – P. 152–165. – DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-4967.2010.00445.x>
- Stepan A., Linz J., Yadav Y.* *Crafting State-Nations. India and other multinational democracies*. – Baltimore: The Johns Hopkins univ. press, 2011. – 336 p.
- Tsebelis G.* Decision-making in political systems: veto players in presidentialism, parliamentarism, multicameralism and multipartyism // *British Journal of Political Science*. – 1992. – Vol. 25, N 3. – P. 289–325. – DOI: <https://doi.org/10.1017/s0007123400007225>
- Türk R.* Feasibility of Presidential system in Turkey // *Turkish Journal of Politics*. – 2011. – Vol. 2, N 1. – P. 33–48.

Yavuz M.H. Five stages of the construction of Kurdish nationalism in Turkey // Nationalism and Ethnic Politics. – 2001. – Vol. 7, N 3. – P. 1–24. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13537110108428635>

O.G. Kharitonova*

**The effects of presidency in ethno-culturally diverse states:
The case of Turkey**

Abstract. The article studies main theoretical approaches in the field of managing ethno-cultural diversity in divided societies – consociationalism and centripetalism. The presidential semi-presidential and parliamentary systems are analyzed through the lens of these two approaches. The article shows on the Turkish example that new states often apply nationalizing strategies of ethnic diversity management aimed at minority assimilation. This strategy in Turkey led to ethnicity politization, ethnic conflicts and ethnic terrorism. Turkish elites have never raised the issue of the Kurdish segment participation in the decision-making process as a separate recognized segment. Institutional transformations, i.e. from parliamentary to premier presidential and then to presidential systems were also aimed at maintaining the nationalizing strategies of ethnic conflict management. The article analyzes the prospects of application of consociational and centripetal institutional arrangements. The consociational mechanisms application are hindered by the dominance of the Turkish segment, nonrecognition of the Kurdish segment and disunity among the Kurds. The article concludes that the present presidential system sets structural conditions for centripetal model of conflict management. The Justice and development party is the only party which could become the moderate center for this model. The article concludes that the solution to the Kurdish question could be proposed before the next parliamentary and presidential elections. In order to win the elections in 2023 the party and president Recep Erdoğan will have to set the course for integration of Turkish kurds simultaneously with strengthening border security.

Keywords: presidentialism; consociationalism; centripetalism; Turkey, Kurdish segment.

For citation: Kharitonova O.G. The Effects of Presidency in ethno-culturally diverse states: The case of Turkey. *Political science (RU)*. 2019, N 4, P. 38–67. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.04.08>

* **Oxana Kharitonova**, School of governance and politics, MGIMO university, e-mail: o.haritonova@inno.mgimo.ru

References

- Aydinli E., Ozcan N.A. The conflict resolution and counterterrorism dilemma: Turkey faces its Kurdish question. *Terrorism and Political Violence*. 2011, Vol. 23, N 3, P. 438–457. <https://doi.org/10.1080/09546553.2011.557328>
- Brubaker R. Nationalizing states revisited: projects and processes of nationalization in post-Soviet states. *Ethnic and Racial Studies*. 2011, Vol. 34, N 11, P. 1785–1814. <https://doi.org/10.1080/01419870.2011.579137>
- Coşkun V. Constitutional amendments under the justice and development party rule. *Insight Turkey*. 2013, Vol. 15, N 4, P. 95–113.
- Crenshaw M. The causes of terrorism. *Comparative Politics*. 1981, Vol. 13, N 4, P. 379–399. <https://doi.org/10.2307/421717>
- Donmez R.O. Nationalism in Turkey: political violence and identity. *Ethnopolitics*. 2007, Vol. 6, N 1, P. 43–65. <https://doi.org/10.1080/17449050601161340>
- Druzhilovsky S.B. The Impact of the Iraqi crisis on the settlement of the Kurdish problem in the Republic of Turkey. In: O.I. Zhigalina (ed.) *The Kurdish question in Western Asia in the early XXI century*. Moscow: Institute of the Middle East RAS, 2006, P. 141–152. (In Russ.)
- Fearon J. Why do some civil wars last so much longer than others? *Journal of Peace Research*. 2004, Vol. 41, N 3, P. 275–301. <https://doi.org/10.1177/0022343304043770>
- Gerring J., Thacker S.C., Moreno C. Centripetal democratic governance: a theory and global inquiry. *American Political Science Review*. 2005, Vol. 99, N 4, P. 567–581. <https://doi.org/10.1017/s0003055405051889>
- Gönenç L. Presidential elements in government: Turkey. *European Constitutional Law Review*. 2008, Vol. 4, N 3, P. 488–523. <https://doi.org/10.1017/s1574019608004884>
- Horowitz D.L. Constitutional design: an oxymoron? In: *Designing democratic institutions*. Ed. by I. Shapiro, S. Macedo. N.Y., L.: N.Y. Univ. Press, 2000, P. 253–284.
- Horowitz D.L. Explaining the northern ireland agreement: the sources of an unlikely constitutional consensus. *British Journal of Political Science*. 2002, Vol. 32, N 2, P. 193–220. <https://doi.org/10.1017/s000712340200008x>
- Kaufmann C. Possible and impossible solutions to ethnic civil wars. *International Security*. 1996, Vol. 20, N 4, P. 136–175. <https://doi.org/10.2307/2539045>
- Kudryashova I.V., Matyukhin V.V. Turkey: National interests and imperial legacy. *Political Science (RU)*. 2013, N 3, P. 117–136.
- Levitt B.S., Ciplak B. Minority group strategies for endogenous institutional change: Kurdish parties and voters in Turkey's 2007 Referendum. *Nationalism and ethnic politics*. 2012, Vol. 18, N 4, P. 452–475. <https://doi.org/10.1080/13537113.2012.734176>
- Lijphart A. Constitutional design for divided societies. *Journal of Democracy*. 2004, Vol. 15, N 2, P. 96–109. <https://doi.org/10.1353/jod.2004.0029>
- Lijphart A. *Democracy in plural societies*. Moscow: Aspect Press, 1997, 286 p.
- Lijphart A. *Patterns of Democracy: government forms and democracy in 36 countries*. New Haven; L.: Yale Univ. Press, 1999, 351 p.
- Matyukhin V.V. *Factors of stability of the regime with the dominant party in modern Turkey. Diss. on Degree candidate of political sciences*. Moscow, MGIMO Univer-

- sity, 2018. Mode of access: https://mgimo.ru/science/diss/Matyukhin_diss.pdf (accessed: 01.07.2019)
- Özbudun E. Turkey's search for a new constitution. *Insight Turkey*. 2012, Vol. 14, N 1, P. 39–50.
- Özbudun E., Gençkaya Ö.F. (eds.) *Democratization and the politics of constitution-making in Turkey*. New York: CEU Press, 2009, 156 p.
- Posen B.R. The security dilemma and ethnic conflict. *Survival*. 1993, Vol. 35, N 1, P. 27–47. <https://doi.org/10.1080/00396339308442672>
- Przeworski A. Political institutions and political order (s). In: *Democracy in a Russian Mirror*. Moscow: MGIMO University, 2013, P. 398–428. (In Russ.)
- Reilly B. Political Engineering and Party Politics in Conflict-Prone Societies. *Democratization*. 2006, Vol. 13, N 5, P. 811–827. <https://doi.org/10.1080/13510340601010719>
- Roeder P.G. Clash of civilizations and escalation of domestic ethnopolitical conflicts. *Comparative Political Studies*. 2003, Vol. 36, N 5, P. 509–540. <https://doi.org/10.1177/0010414003036005002>
- Rustow D.A. Transitions to democracy: toward a dynamic model. *Polis. Political Studies*. 1996, N 5, P. 5–15. (In Russ.)
- Samuels D., Shugart M. The appointment and dismissal of the Prime Minister in a semi-presidential regime: the impact of the presidentialization of parties. *Revue internationale de politique comparée*. 2010, Vol. 17, N 1, P. 67–91. (In French.) <https://doi.org/10.3917/ripc.171.0067>
- Sarigil Z. Curbing Kurdish ethno-nationalism in Turkey: an empirical assessment of pro-Islamic and socio-economic approaches. *Ethnic and Racial Studies*. 2010, Vol. 33, N 3, P. 533–553. <https://doi.org/10.1080/01419870903118114>
- Shugart M.S. Semi-presidential systems: dual executive and mixed authority patterns. *French Politics*. 2005, N 3, P. 323–351. <https://doi.org/10.1057/palgrave.fp.8200087>
- Sirkeci I. Exploring the Kurdish population in the Turkish context. *Genus*. 2000, Vol. 56, N 1–2, P. 149–175.
- Somer M., Liaras E.G. Turkey's new Kurdish opening: religious versus secular values. *Middle East Policy*. 2010, Vol. 27, N. 2, P. 152–165. <https://doi.org/10.1111/j.1475-4967.2010.00445.x>
- Stepan A., Linz J., Yadav Y. *Crafting State-Nations. India and other multinational democracies*. Baltimore: The Johns Hopkins Univ. Press, 2011, 336 p.
- Tsebelis G. Decision-making in political systems: veto players in presidentialism, parliamentarism, multicameralism and multipartyism. *British Journal of Political Science*. 1992, Vol. 25, N 3, P. 289–325. <https://doi.org/10.1017/s0007123400007225>
- Türk R. Feasibility of Presidential system in Turkey. *Turkish Journal of Politics*. 2011, Vol. 2, N 1, P. 33–48.
- Yavuz M.H. Five stages of the construction of Kurdish nationalism in Turkey. *Nationalism and Ethnic Politics*. 2001, Vol. 7, N 3, P. 1–24. <https://doi.org/10.1080/13537110108428635>